ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИЗИСА КОМПЕТЕНТНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Л. А. Карасёва

Рассмотрены методологические и теоретические основания анализа кризиса компетентности управленческой элиты: функционарный подход и метод структурных уровней; различение действительных и мнимых, рациональных и иррациональных экономических отношений и институциональных норм.

Развернуты основные формы проявления кризиса компетентности управленческой элиты: устоявшаяся традиция «проектирования из будущего»; технократизм или перенос технологий и инструментов менеджмента из бизнеса на управление социальными и экономическими процессами; сведение управления проектами, программами, в целом реформами к управлению финансовыми потоками; недооценка экспертизы целеполагания и активности ведущих социально-экономических субъектов; мнимость институциональных форм, используемых для координации и поддержки социально-экономических проектов; неэффективное использование государственного имущества; игнорирование проблемы воспроизводства профессионалов.

До сих пор продолжается обсуждение причин кризиса и путей преодоления сложившейся ситуации в российской экономике и обществе. В данной статье остановимся на кризисе социально-экономического управления, который во многом определяет российскую специфику современного мирового кризиса.

Среди основных форм его проявления выделим наиболее значимые:

— кризис адекватности системы управления экономическим реалиям;

— кризис адекватности интересов управленческой элиты интересам и целям прогрессивного социально-экономического развития России;

— кризис компетентности управленческой элиты;

— кризис бюрократической системы[1].

В статье остановимся на одной из форм — рассмотрим кризис компетентности управленческой элиты. Но прежде сделаем два замечания.

Первое замечание касается вопроса о том, почему данная проблема рассматривается в рамках экономической теории. Второе связано с пониманием того, что положено нами в качестве критерия для вывода о кризисе компетентности управленческой элиты. Другими словами, остановимся в первой части статьи на методологических и теоретических основаниях исследования обозначенной проблемы.

О связи проблемы компетентности управленческой элиты с экономической теорией

С одной стороны, ответ очевиден: от компетентности управляющих социально-экономическими процессами зависит успешность заявленных руководством страны преобразо-

[1] Подробнее об этом см. в [8].

ваний, эффективность снятия посткризисных проблем.

С другой стороны, казалось бы, эта проблема не лежит непосредственно в рамках экономической теории. Но если вспомнить, что компетенция означает круг вопросов, в котором деятель обладает познаниями, опытом, то тогда речь идет не только о содержании управленческих технологий. Становится актуальным определение места и роли экономической теории в этом круге компетентности.

Может быть, экономическая теория должна быть лишь средством, оправдывающим проводимые реформы и провозглашаемые лозунги? Но тогда мы скорее будем подгонять теорию под действительность, нежели проблематизировать существующие в экономической жизни правовые и хозяйственные нормы.

Если же экономическая теория служит методологической и теоретической основой принимаемых решений, то она должна не только описывать базовые формы рыночной экономики или поверхностные экономические отношения. Ее миссия — дать объективную системную оценку социально-экономическим процессам в трансформируемой экономике России.

Тогда круг компетентности управленца расширится пониманием природы социально-экономических процессов, того, что эффективные институциональные нормы должны быть адекватны ей, не могут привноситься автоматически из одной социально-экономической среды в другую без адаптации к этой среде. В таком случае сразу возникнет открытость верхнего слоя управленческой элиты к неформальному диалогу между наукой и властью, обнаружится умение прислушиваться при принятии стратегических решений к экспертным мнениям (не только узких специалистов). При таком подходе принятые решения будут не только политически, но и социально-экономически оправданными.

Но это сделать невозможно, не учитывая многосторонних связей экономической действительности, их субординированность, опосредованность одних отношений другими и т. п. [9]. В связи с этим представляется важным сделать еще одно методологическое отступление. В данном случае это не просто вставка-рассуждение о методологии экономической теории, это необходимые основания для осознания форм проявления и сути кризиса компетентности управленческой элиты. Одновременно на эти основания мы будем опираться при внесении некоторых предложений в рамках анализа форм проявления кризиса.

О критерии кризиса компетентности управленческой элиты

Если исходить из того, что управленческая элита на основе социального заказа в соответствии с необходимостью формирует, задает и контролирует нормы функционирования экономических процессов и институтов, то критерий эффективного управления очевиден: обеспечение механизма общественно-нормального воспроизводства, когда хозяйственные нормы порождают экономическое поведение, направленное на его прогрессивное развитие. Но если нарастает процесс деформации экономического поведения хозяйствующих субъектов, а ситуация, в которой пребывает экономика России последние пятнадцать лет, иррациональна, то, естественно, возникает вопрос о кризисе компетентности управленческой элиты. В связи с этим попытаемся раскрыть два принципиальных методологических положения, без которых, на наш взгляд, анализ будет некорректным.

О функционарном подходе и методе структурных уровней в анализе экономических отношений

Важно заметить, что если речь идет о кризисе как о резком крутом переломе, тяжелом переходном состоянии, то экономическая система должна быть всякий раз рассмотрена как функционирующее целое в рамках отдельно взятого этапа ее жизни. В этом случае актуальным является функционарный подход к исследованию экономической системы.

Полноценное использование функционарного подхода невозможно без использования метода структурных уровней функционирования отношений, который был разработан А.А. Сергеевым еще в конце 70-х годов прошлого столетия, но сегодня практически не используется.

Вопрос о жизни, осуществлении любых экономических отношений — это вопрос о включенности их как элемента в некую другую связь, взаимодействие, целостность. С помощью метода структурных уровней выделяем нужный вертикальный разрез функционирования экономических отношений: технико-экономический, социально-экономический, организационно-экономический, хозяйственный (рис. 1). Добавление нами к уровням, введенным А.А. Сергеевым, хозяйственного уровня функционирования экономических отношений для

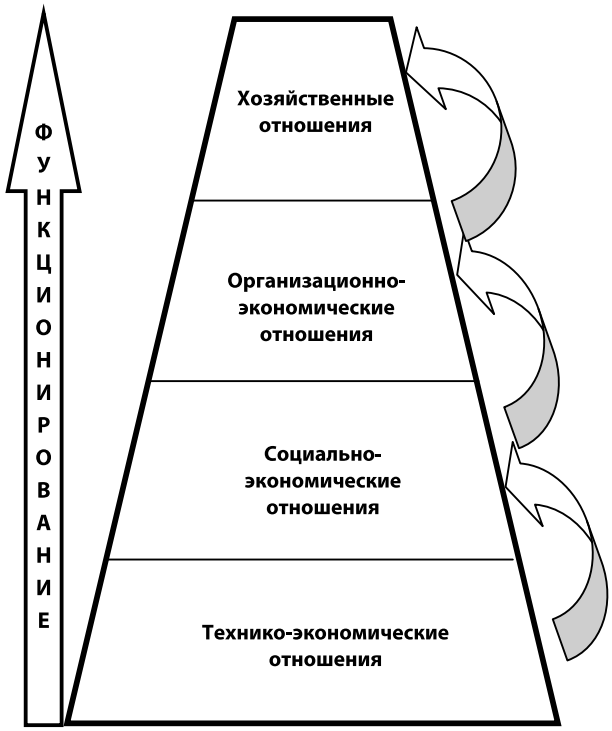

Рис. 1. *Уровни функционирования экономических отношений*

рыночной экономики имеет принципиальное значение. Именно на этом уровне функционирование экономических отношений осложняется правовыми нормами своего осуществления; здесь развертываются отношения экономических субъектов с государством, среди которых, например, выделим налоговые отношения.

Система уровней иерархична. Каждый структурный уровень отражает качественную разнородность анализируемой действительности, но проникает в модифицированном виде в менее глубокий соподчиненный уровень. Кроме того, структура отдельного уровня, рассматриваемая самостоятельно, также характеризуется вертикальной многослойностью, взаимопроникновением и субординацией.

Применение метода в разрезе субъектного подхода позволяет обозначить взаимодействие субъектов изучаемых отношений по этапам их включенности в осуществление анализируемого отношения. Это дает нам возможность теоретически проследить модификацию отношений экономических субъектов при переходе с одного уровня на другой, а следовательно, уточнить и механизм деформации экономических отношений, возникновение мнимых и иррациональных отношений. Но тогда переход от одного уровня функционирования к другому означает смену (уточнение) способа включенности и способа связи осуществления социально-экономического отношения.

Развертывание внутренней сущности экономических отношений в аспекте функционирования, переход от одного уровня функционирования к другому уточняет внутреннюю структуру более глубокой сущности. Уровни опосредования реализации экономического отношения удерживают особые этажи включения иных социально-экономических интересов в осуществление экономического процесса. Здесь важно подчеркнуть, что превращенная форма всякий раз это нечто новое, не только рожденное, но и провоцирующее новые превращения. В этом смысле превращенная форма — это не плохо и не хорошо. *Она есть необходимый и объективный способ жизни социально-экономического отношения.* Чем сложнее система, тем сложнее структура превращенных форм. Именно через них развертывание внутренней сущности экономического отношения получает законченное социальное признание в самом факте рационального осуществления хозяйственных интересов субъектов экономической жизни. Заметим, что здесь рациональность понимается нами как характеристика целесообразного поведения хозяйствующего субъекта.

О действительных и мнимых, рациональных и иррациональных экономических отношениях

Закрепившееся в научной литературе отношение к превращенной форме как к продукту превращения внутренних отношений, скрывающих их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями, на наш взгляд, недостаточно. В нем выделяется важная характеристика превращенной формы, которая мотивирует к анализу, поиску самой глубокой сущности явления, к разрешению теоретической проблемы сведения более конкретных отношений к их сущностному основанию. Разнообразие экономических форм обретает общее основание, исходный принцип своего осуществления. Тем самым раскрывается теоретическая возможность определения внутренней формы всяких экономических отношений. Однако принципиально важно и другое. Превращенная форма является всякий раз (на каждом уровне) формой жизни, осуществления природы экономических отношений на данном этапе развития экономической системы, в рамках которой отношения функционируют. Поэтому понимание механизма превращения (развертывания сущности по вертикали), его

структурных уровней столь же значимо для раскрытия содержания социально-экономических отношений, их функционального потенциала.

Функционарный подход к анализу социально-экономических отношений может условно быть описан как «социально-экономическая норма существования (внутренняя структура) отношений — реализация». Но тогда очевидно, что возможна как реализация в рамках данной нормы, корректируя, достраивая ее, приспосабливая ее к системе, в которую отношения встраиваются, не меняя ее природы; так и ее перенормирование, замещение этой нормы другой, более органичной данной системе. Другими словами, если модификация отношений будет приобретать формы деформации, имеет смысл говорить о действительных и мнимых, рациональных и иррациональных отношениях.

Как ни парадоксально, но каждый раз деформированные превращенные формы рождаются тогда, когда в существующем механизме функционирования социально-экономических отношений возникают проблемы, проявляющиеся в том, что они не могут встроиться в экономическую систему по критерию рациональности; их зависимости, и посредствующие звенья в силу каких-то причин не принимаются системой, вызывая ее сопротивление.

Появление превращенной формы может сопровождаться возникновением условий такого специфического опосредования, которое вынужденно подключает к уже явленным связям иные (по сути своей) объекты экономического интереса. Это осуществляется как становление и саморазвитие мнимой экономической формы, «притянутой» действующим отношением для восполнения недостающих элементов в механизме осуществления.

Мнимые отношения — это отношения экономического субъекта, позиционирующего себя в роли, отличной от его нормативно-заданного экономического статуса в рамках социально-экономической нормы его функционирования. Он присваивает новые (чужие) экономические функции (новые по отношению к предписанным, осуществляемым функциям) и рассматривает эту реализацию как оптимальное использование своих возможностей в данной среде. Мнимость как качество экономической формы возникает в качестве реакции фактически осуществляющихся отношений на условия, в которых они могут реализоваться по критерию рационализации, рационального осуществления. Тогда действительные отношения представляются как основные в рамках функционирования данного уровня экономических отношений

Рис. 2. *Мнимые и иррациональные экономические формы*

(мнимые могут лишь быть определены по отношению к ним).

Анализ экономических отношений и их идентификация как «действительных» или «мнимых» может происходить на любом уровне функционирования экономического отношения, но только в горизонтальной плоскости. Хозяйственная практика современной России демонстрирует сколь угодно много такого рода превращений (мнимая предпринимательская деятельность, мнимый наемный труд, мнимые товарно-денежные отношения).

Одновременно в анализируемом превращении принципиально и другое. По вертикали такое поведение экономического субъекта является иррациональным с точки зрения его социально закрепленного положения (статуса, функциональной роли) и может быть признано рациональным только с точки зрения собственного интереса субъекта. Функционирующие отношения, дабы осуществлять взаимодействие со всеми связанными с ним отношениями, с необходимостью притягивая «чужую» форму, приобретают специфическую структуру связей, отличную от внутренней структуры отношения. Так появляется форма, как бы оторванная от сущности отношения. Такая форма не только маскирует сущность отношения (превращенная форма всегда модифицирует внутреннюю структуру более глубокой сущности). Она иррациональна по отношению к природе осуществляемых отношений. Тем самым механизм рационализации осуществления экономического отношения предполагает выбор иррациональной формы их реализации. Иррациональная форма экономических отношений есть форма захвата иных (по сути) отношений и включения их как существенных в общий механизм функционирования отношений. Иррациональная экономическая форма отношения возникает в виде реакции их действительной формы на связанные с ней мнимые отношения (рис. 2).

О формах проявления кризиса компетентности управленческой элиты. Устоявшаяся традиция «проектирования из будущего»

Симптомы этой формы кризиса обнаруживают себя в предлагаемых институциональных нормах осуществления модернизации экономики на основе инновационного развития без учета ее чувствительности к этим процессам.

Опираясь на изложенный выше методологический подход, заметим, что в данном случае актуальным является анализ перехода экономической системы от одного сценария развития к другому.

Становится принципиальным вопрос о том, что определяет внутреннюю структуру экономической системы на данном этапе ее функционирования? Конечно же, можно утверждать, что трансформируемая экономика должна рассматриваться с точки зрения настоящего, отражающего неразрывность с прошлым и будущим. Но в этом настоящем необходимо понять, какие экономические отношения объективно поддерживают ее существующую структуру?

Ответ на этот вопрос позволит прояснить три ключевых аспекта чувствительности российской экономики к инновационному развитию. Подчеркнем, что все они взаимосвязаны, последовательно определяют друг друга.

Первый аспект — выявление объективной направленности трансформационного процесса (стартовых условий): движение в сторону общественного прогресса или общественной стагнации, или к тупиковому варианту общественного развития.

Второй аспект — выявление потенциала самих инноваций, их качественная характеристика, степень концентрации и доминирования в экономике.

Третий аспект — выявление потенциала инновационного развития самой экономики.

И в этом ракурсе справедливо замечание И. М. Тенякова: «Само по себе наличие большого числа нововведений еще ничего не говорит о направленности и перспективах национального экономического развития: нововведения могут, как положительно влиять на развитие страны, так и тормозить его» [14].

Формирующаяся в высокоразвитых странах научно-информационная экономика в качестве определяющего фактора имеет науку, демонстрируя острейшую конкуренцию за лидерство не только в рождении, но и в осуществлении новейших идей. Интеллектуальная деятельность, идея творчества никогда не процветала бы в этих странах, если бы на них не было спроса.

В российской экономике спрос на наукоемкую продукцию слишком низкий, чтобы быть стимулом инновационного развития ее отраслей и сфер. Поставив перед российской экономикой задачу инновационного развития, важно учитывать противоречивость и сложность ее социально-экономической структуры.

Безусловно, государство может и должно:

— определить и развивать базовые отрасли, которые станут своеобразными локомотивами

перевода экономики на инновационный путь развития;

— концентрировать ресурсы и создавать инновационный продукт в тех отраслях, в которых мы конкурентоспособны;

— помогать решать проблему внедрения новаций в тех отраслях, где российский научно-промышленный комплекс уже имеет технологическое превосходство.

А как быть остальным отраслям и сферам экономики?

Достижения науки, новации, рожденные ею, могут превратиться в инновации, то есть оказаться реализованными, только при формировании чувствительной к этим новациям предпринимательской среды.

Инновация — не просто реализованная новая идея, а экономически эффективная новация. Очевидно, что критерием эффективности для предпринимателя в этом случае является получаемая норма прибыли. Любая новация превратится в инновацию, если она обеспечит норму прибыли, большую общественно нормальной, либо предотвратит ее снижение.

Развитая рыночная экономика в США и странах Западной Европы «это, в принципе, развитость бизнеса в целом, который потребляет инновации, развитость большого рынка» [1]. Тогда инновации воспринимаются как способ получать конкурентные преимущества — поэтому есть спрос на новые идеи, поэтому есть, соответственно, предложения от новаторов.

В российской экономике необходимо действительно, а не мнимо формировать среду, позволяющую бизнесу существовать. Нужно дать возможность развиться пока еще просто обычному стандартному бизнесу, втягивая пусть в принципе не новые, но актуальные для России идеи. Нужно создавать условия для международной кооперации — особенно в отраслях, социально-экономически значимых, но неконкурентоспособных. При этом принципиально важно формировать механизмы (правовые, экономические, организационные), поощряющие не продажу новационных идей, а доводку их до готового продукта — либо самостоятельно, либо на кооперационной основе[1].

Больше будет развиваться бизнес, получающий хотя бы нормальную прибыль, — будут появляться стимулы к поиску избыточной прибыли, постепенно придет понимание того, что рыночная среда отторгает пассивные в инновационном отношении структуры. Но и в этом случае страна не выйдет сразу на собственно инновационное развитие, развиваясь пока инерционно с элементами инновационности (ибо нет должной «положительной» концентрации новаций в экономике). Инерционное развитие предполагает достижение избыточной прибыли у отдельных фирм, добившихся эффективности сверх общественно нормального уровня. Инновационное развитие — повышение самого уровня общественно нормальной прибыли, которую будут получать лишь фирмы, реализующие новации. Нормальной прибылью рынок вознаграждает за эффективные интеллектуальные усилия, обеспечивая интеллектуальную ренту [10].

Таким образом, речь идет не столько о проблемах инвестирования в новационные идеи, внедрения изобретений, утечки мозгов, сколько о проблеме изменения отношения общества к интеллектуальным результатам деятельности. Другими словами — о соотношении идеи и среды ее реализации. Протекание и результативность любого инновационного процесса зависит в первую очередь от «чувствительности» внешней среды: поддерживает она или отторгает нововведение; способствует ли концентрации инноваций в макроэкономическом аспек-те.

Но тогда, ставя стратегическую задачу инновационного развития российской экономики, выбирая направления и пути ее реализации, необходимо освободиться от пагубной практики проектирования «из будущего». Адаптация среды под концепцию приводит к тому, что на всех этапах управленческого контура (целеполагание, выбор инструментов воздействия, оценка результата) «желаемое выдается за действительное». Создаваемые нормы — экономические, организационные, правовые — соответствуют этой иллюзорной действительности и противоречат фактическому положению дел. В свою очередь исполнители в реальной деятельности внешне следуют заданным нормам, но, по сути, нарушают, избегают их, ибо иначе они не смогут получить требуемый результат и реализовать свои интересы[2]. Именно поэтому их

[1] Здесь уместно привести высказывание Елены Крутицкой, директора и учредителя Агентства инновационных технологий: «Каждая инновационная идея имеет свой срок жизни. Пока идеи являются ноу-хау, страны сами паразитируют на этих технологиях, они являются закрытыми, как только срок годности истекает, это получает широкий доступ и последний аккорд — это распродажа технологий и получение последней отдачи от них» [1].

[2] Достаточно посмотреть результаты исследования ГУ-ВШЭ на основе опроса 957 предприятий обрабатывающей отрасли в 2009 г. См.: [11].

деятельность приобретает мнимый и иррациональный характер, а экономические отношения становятся декоративными.

Технократизм, или перенос технологий и инструментов менеджмента из бизнеса на управление социальными и экономическими процессами

Слабым звеном социально-экономического управления является перенос технологий и инструментов менеджмента из бизнеса на управление социальными и экономическими процессами в рамках страны и регионов. На практике это приводит к активизации и усилению своего рода технократизма в управлении социально-экономическими процессами.

В первую очередь технократизм проявляется в предлагаемой обществу модернизации. В устах политиков, представителей исполнительной власти она выглядит, прежде всего, как техническая задача. Но модернизация должна проходить в таких организационно-экономических, хозяйственных формах и нормах, которые затронули бы социально-экономические, общественные отношения, модернизируя их. В этом смысле можно отчасти согласиться с социологом Леонтием Бызовым, считающим, что корни нашей отсталости лежат «в сфере архаики общественных отношений, недееспособности институтов, вынуждающей людей все основывать на личной договоренности, а не на праве» [2].

Кроме того, некомпетентность управленческой элиты проявляется и в абсолютизации роли институциональных факторов. Но вряд ли ими определяется природа экономического поведения субъектов. Создаваемые институциональные нормы будут действительно работать, если они соответствуют природе социально-экономических отношений, поддерживающих существующую структуру, и одновременно «развернуты в будущее».

Но «основной парадокс состоит в том, что российские элиты стремятся контролировать урбанистическое общество изжившими себя патриархальными практиками. Несмотря на инновационную риторику, они вовсе не хотят жить в будущем. Даже привычную современность модерна, связанную с конкуренцией в экономике или политике, элиты терпят все с большим подозрением и неудовольствием» [12].

Технократизм обнаруживается и в популяризации мифа о том, что правовая, финансовая, экономическая и другие экспертизы есть панацея от всех бед, что они могут заменить скрупулезное изучение механизмов социальности, в том числе и в экономических процессах. Подобные представления особенно опасны по отношению к предпринимательству и инновационной деятельности, которые по своей природе являются нестандартными, творческими, разрушительными (в отношении к устоявшимся нормам).

В структуре социально-экономического управления эксперты по экономическим, финансовым, маркетинговым вопросам часто оперируют лишь соответствующими хозяйственными и правовыми нормами, не затрагивая глубинные уровни функционирования экономических отношений, о которых шла речь выше. На этой основе рождаются рекомендации, законопроекты, инструкции, не опирающиеся на глубинное осознание взаимодействия экономических интересов различных субъектов. В результате возникает естественный скепсис со стороны бизнеса и населения. Это недоверие понятно.

С точки зрения бизнеса предлагаемые управленческие решения оказываются неэффективными или не срабатывают в полной мере. Более того, подобный подход приводит к развитию стихийного мышления хозяйствующего субъекта, к действию по ситуации, что прямо противоречит логике функционирования предпринимательской деятельности.

У населения подобные решения вызывают отторжение, крайнюю степень недовольства и непонимания (достаточно вспомнить реакцию на повышение тарифов на коммунальные услуги).

Действия существующей управленческой элиты в полной мере не способны обеспечить механизм общественно-нормального воспроизводства. «Парадокс в том, что отчуждение общества от власти является условием сохранения этой власти» [13]. Однако общественно-нормальное воспроизводство может быть обеспечено лишь в том случае, если хозяйственные нормы порождают экономическое поведение субъектов производства, направленное на его развитие. А на сегодняшний день, по мнению социолога Бориса Дубина, «наверху у нас власть без ответственности и эффективности, а внизу — одобрение без участия и доверия» [4].

И тогда, какие бы цели и задачи выхода из кризиса не ставились, реализация норм, задаваемых таким государством, будет натыкаться на сопротивление, поскольку не имеет поддержки у представителей других страт общества. А затем, как следствие, рождать иррациональные, деформированные рыночные отношения и т. п.

Сведение управления проектами, программами, в целом реформами к управлению финансовыми потоками

Инновационное развитие и модернизация неразрывно связаны с процессами программирования и проектирования, а социально-экономическое управление с управлением программами и проектами. В связи с этим необходимо рассмотреть в рамках заявленной темы проблемы компетентности управленческой элиты в этих процессах.

На наш взгляд, одной из наиболее актуальных проблем является сведение управления проектами к управлению финансовыми потоками. Другими словами, инструменты социально-экономического управления используются лишь в части координации денежных потоков.

Тому подтверждением могут служить неэффективность расходования средств по действующим государственным и региональным социально-экономическим программам, управление грантами и др.

Противоречивый характер носит освоение новых и развитие уже обжитых территорий. Представим парадоксы российского опыта социального программирования и освоения территорий [5].

Парадокс 1. Национальные проекты, несмотря на огромные средства, направляемые в них, так и не обнаружили ключевой системообразующий замысел, понятный и принимаемый гражданским сообществом. Пока они осуществляются в логике латания дыр.

Аналогично, территории, несмотря на многочисленные целевые программы развития, во многом демонстрируют стихийно сложившийся вектор жизнедеятельности. Разрозненные точки роста решают лишь локальные проблемы.

Парадокс 2. Реализация отдельных инвестиционных проектов (часто при содействии государственных и муниципальных структур), вполне эффективная с точки зрения частного интереса, не всегда приводит к повышению, а подчас и снижает уровень жизненной и деловой активности населения территории.

Парадокс 3. При наличии неудовлетворенных потребностей уже сформировавшихся новых целевых групп потребителей (инвесторов и др.) накопленные ресурсы территорий практически не используются, хотя и могут быть направлены на их реализацию.

В основе этих парадоксов лежит проблема государства как собственника денежных средств и имущества, выделяемых под проект или для осуществления реформы.

Как известно, экономический аспект предоставления денежных средств состоит в том, что собственник должен быть уверен — объект его собственности (деньги) будет использован с наибольшей отдачей (в нашем случае — с точки зрения реализации государственных интересов). В действительности в большинстве случаев проекты, программы, бизнес-планы концептуально и проектно оформляются только для того, чтобы получить государственные деньги и израсходовать их в отведенные сроки.

Это справедливо и при решении проблемы контроля использования финансовых средств, имеющего также экономическую составляющую. Необходимо преодолеть затратный подход при проведении социально-экономической оценки результатов деятельности и вклада проекта, целевых программ и т. п. в решение социальных проблем — как на местном, региональном, так и национальном уровнях. Оценке должна подлежать фактическая результативность, а не только проектная. Речь не идет о том, что оценка результатов, эффективности, общего вклада в развитие региона или страны не проводится вовсе, но зачастую это всего лишь оценка намерений, изложенная в проектах на получение грантов, программах и т. д. Более того, экономическая и финансовая оценки часто оказываются невольно скрытыми и от общественности, и от непосредственных участников проектов.

Слабость управления по затратам связана с тем, что создаваемые программы не содержат экономического механизма, нацеленного на оптимальный социально-экономический результат. В нем отсутствуют элементы экономического и иного стимулирования деятельности субъектов, вовлеченных в реализацию. Получается, что все управленческие вопросы решаются с помощью финансирования.

Однако механизмы стимулирования деятельности экономических субъектов (например, налоговые) принесут эффект, если будут:

— во-первых, адекватны (и по форме, и по размеру) масштабу замысла и уровню развития социально-экономической среды;

— во-вторых, увязаны со стратегическим видением места и роли проекта, программ и др. в решении социальных проблем, и, как следствие, — с целями и направлениями стимулирующего воздействия.

Как известно, оптимальный эффект возможен только при наличии выбора, поиска луч-

шего варианта среди альтернативных. Поэтому поддерживая конкурсные основы предоставления денежных средств как важнейший элемент их распределения, отметим, что механизм конкурсов срабатывает, когда он прозрачный, открытый и обеспечивает выбор наилучших проектов, как по замыслу, так и по эффективности его воплощения.

Недооценка экспертизы целеполагания и активности ведущих социально-экономических субъектов

Сегодня многие осознали, что без учета и увязки множества подчас разнонаправленных интересов социально-экономических агентов эффективная и быстрая реализация любого проекта невозможна. Поэтому принципиальным становится проведение экспертизы целеполагания и активности ведущих социально-экономических субъектов, влияющих и заинтересованных в осуществление социально-экономических проектов и программ. Ее проведение позволяет формировать пространство интересов главных фигур, которые в будущем могут способствовать или препятствовать реализации проекта. Тогда можно встраивать проекты в сложившуюся систему интересов региона, раскрывать бизнес-потенциал территории в конкретной внешней среде. На этой основе не клонировать уже успешные проекты, а генерировать и осуществлять дополняющие их идеи. Заинтересованные субъекты (предприниматели, инвесторы, собственники земельных участков, муниципалитеты, население) могут не только увидеть, но и удовлетворить свои интересы, получить бонусы от синергетического эффекта. В итоге появляется возможность не только выявить существующие и потенциальные точки роста, но и распознать среди них своеобразную «зону притяжения», формирующую направление развития и модернизации.

Так, например, при работе над проектами по вариантам использования земли их собственниками, по туристическому зонированию Тверского региона и др. нами были заказаны следующие экспертизы:

— технико-экономическая экспертиза — оценка природно-ресурсного и экономического потенциала земельного участка и внешней среды;

— экологическая экспертиза — оценка экологической обстановки в регионе;

— социально-экономическая экспертиза — оценка структуры собственности, анализ направлений развития региона, фиксация наиболее крупных и значимых точек бизнес-активности;

— организационно-экономическая экспертиза — анализ целевых программ развития области и муниципальных образований, определение возможностей сотрудничества с общественными и другими заинтересованными организациями и объединениями;

— экспертиза инвестиционного климата;

— экспертиза правовых и административных норм, влияющих на осуществление проекта.

Технология такого рода экспертизы напоминает работу мультипликатора: художник, чтобы оживить изображение, берет несколько слоев целлулоида, наносит изображение на каждый из них, и при наложении одного слоя на другой оживляет, придает «объем» плоским персонажам — они оживают.

По аналогии, результаты проведения ряда экспертиз совмещаются, и формируется многослойное пространство аналитических выкладок, дополняющих друг друга. При наложении сквозь все слои проступает скрытая логика жизни территории, очерчивается потенциал, стихийно прорисовываются некие зоны, концентрирующие отдельные точки роста или проблемные узлы территории. В свою очередь, критериальный взгляд, заданный ценностными ориентирами проекта, оживляет это интегрированное информационное пространство, подсказывая направление поиска ключевой идеи проекта. Как бы сама территория формирует ключевую идею концепции.

Отсюда очевидно, что метод структурных уровней функционирования экономических отношений, который мы использовали при работе над упомянутыми проектами, срабатывал только лишь потому, что и сама жизнь этих отношений многослойна и структурна, а не линейна. В этом смысле управление социально-экономическими процессами должно уходить от линейности, упрощенности представлений о реализации интересов субъектов хозяйственной деятельности.

За рассмотренными выше формами просматривается одна и та же проблема (если не задаваться вопросом осознанно или неосознанно это делается). С одной стороны, «советские лекала» управления социально-экономическими проектами вряд ли могут быть использованы без изменений в условиях становящейся рыночной экономики. С другой стороны, передовые

западные наработки, отражая самые последние управленческие новации, апробированные в условиях развитой рыночной экономики, требуют адаптации к российской практике.

Мнимость институциональных форм, используемых для координации и поддержки социально-экономических проектов

По нашему мнению, эффективна та институциональная форма, которая опираясь на соответствующее законодательство, способна использовать основные элементы (рычаги) воздействия — социальные, экономические, финансовые, организационные, правовые, — в их оптимальном сочетании. Критерием оптимального сочетания мер поддержки является соответствие институциональной структуры доминирующим проблемам тех или иных социальных групп, развития территорий, социально значимых отраслей экономики.

Экономическая или финансовая составляющие этих мер могут быть или системообразующими, или обслуживающими другую доминирующую составляющую (например, образовательную или исследовательскую). Тогда государственная и муниципальная поддержка должна быть направлена на создание и развитие тех институциональных форм, которые адекватны сложившейся ситуации. При этом важным условием является осуществление постоянного мониторинга проблем и соответствующая корректировка ведущих институциональных форм. И в этом смысле появляется еще один критерий эффективности — институциональные формы должны обеспечивать накопление и реализацию социально-экономических потенциалов проектов.

Например, представляется весьма важным и своевременным создание по инициативе государства и поддержка консалтинговых компаний особого типа.

В их задачи должны входить:

— зондирование внешней среды, распознание и оценка новационных идей, наилучшим образом задающих вектор разрешения ключевых проблем территории, региона, социальных групп и т. п., формирование поля предпринимательских идей;

— разработка концепций и проектов, основанных на новых предпринимательских идеях, позволяющих комплексно осваивать территории, вовлекать в экономический оборот землю, находящуюся в руках разных собственников, решать другие сложные социально-экономические проблемы;

— формирование общего рабочего пространства проектов для соединения всех заинтересованных субъектов их осуществления и в первую очередь инвесторов, проектируя и апробируя новые организационные институты: взаимодействия основных игроков, вбрасывания и продвижения проектов к внутренним и внешним их участникам (прямым и косвенным).

Можно поощрять создание альтернативных структур и не бояться их соперничества с государственными, не страшиться открытых дискуссий. Интересен в этом отношении пример, который приводит журналист Григорий Ревзин: «В Дели есть государственный институт стратегического развития — и рядом частный, весь смысл которого в том, чтобы беспрерывно ругать, чего напридумывал государственный» [7].

Неэффективное использование государственного имущества

Использование государственного имущества в социально-экономическом управлении особый, достаточно сложный вопрос, требующий детального рассмотрения. В связи с обсуждением кризиса компетентности управленческой элиты хотелось бы выделить лишь три ключевые проблемы.

1. Управление государственным имуществом практически не встроено в процессы проведения социально-экономической политики государства (развитие территорий, государственных целевых программ и т. д.).

2. Управление государственным имуществом негибко, мало чувствительно к социально-экономическим процессам, находящимся в состоянии трансформации.

3. Управление имуществом по прежнему «пообъектно». Управление имуществом как комплексом в интересах развития территории, реализации социально-экономических программ в рамках существующего законодательства весьма сложно.

Игнорирование проблемы воспроизводства профессионалов

Этот вопрос имеет важнейшее значение, как для общества, так и для государства.

Сошлюсь в понимании профессионализма на высказывание А. Эфроса: «Профессионализм — это способность ощущать действие и его развитие. Профессионализм — это тяга к изживанию в себе поверхностного, тяга к углубленности. Профессионализм — это подвижность внешняя и внутренняя» [15].

Речь идет не просто о компетентных специалистах, а об инициативных, креативных, думающих, способных и готовых к самообразованию и развитию работниках. Без них не состоятся ни модернизация, ни инновационное развитие общества, ни новая модель экономики, чувствительной к развитию на основе знаний. Без них не появится спрос на знание и науку, не сформируется принципиально новое отношение общества к интеллектуальным, моральным результатам деятельности. «Интеллектуальная деятельность, идея творчества никогда не процветала бы в западных странах, если бы на это не было спроса. А это достигается осознанием в обществе самоценности творческой деятельности, осознанием того, что она создает уникальные вещи, новые знания и т. д. — все то, что по-настоящему значимо, что связано с будущим» [3].

Конечно, возможна реализация концепции образования для избранных, для незначительного круга институтов высшей школы. Но куда важнее разворот реформ российского образования всех уровней на формирование и развитие действительных профессионалов. Если, конечно, изначально не ставится задача воспроизведения социальной структуры, характерной для индустриальных экономик, где как раз востребованы узкие специалисты, исполнители заданной управленческой нормы.

За лозунгами о новой высшей школе подчас скрывается идея превращения преподавателей в ремесленников, готовящих ремесленников. Если студент работает в рамках норм, не обеспечивающих постижение смысла и технологии самообразования и саморазвития, то преподаватель и само высшее образование не выполняют своей миссии. А выпускаемые специалисты беспомощны в постиндустриальном обществе, где востребованы гибкость и восприимчивость к стремительно меняющимся технологиям.

Но, может быть, все-таки «довериться необолваненному человеку и вместе с ним поднять остальные сферы нашей жизни. В системном, структурированном культурном пространстве иначе формируются не только авторы, зрители, но и работодатели, наемные работники. От этого зависит общий уровень конкурентоспособности общества» [16]. Как известно, экономика не существует сама по себе, она часть единой системы жизнедеятельности людей.

Вопросы, представленные в статье и вынесенные на обсуждение, не только отражают проблемы деятельности органов государственного управления. Мы уверены, что честные и открытые дискуссии в рамках экономической теории по ключевым проблемам развития России могут внести свою лепту в их разрешение, а выводы по итогам обсуждения могут послужить методологической и теоретической основой для выработки эффективных мер по управлению социально-экономическими процессами.

Список источников

1. Бизнес-идея. Изобретать или копировать? // Финам. FM. Программа «Время предпринимать» от 14.12.2009. [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: http: finam.fm/archive-view/1919

2. *Бызов Л.* Распутье-2009. Конец эпохи удач // Огонек. 2009. №32. С. 15-16.

3. *Дондурей Д., Серебренников К.* Культурные обязательства есть! Государственная политика в сфере культуры. Проблемы и решения // Искусство кино. 2009. №9. С. 9.

4. *Дубин Б.* Песчаная Россия. Конец эпохи удач // Огонек. 2009. №32. С. 16.

5. *Зинатулин А. М., Карасёва Л. А., Смирнов С. Н.* Парадоксы российского опыта освоения территорий // Вестник Тверского государственного университета. 2008. №18. С. 4–19. (Экономика)

6. *Иноземцев А.* Класс интеллектуалов // Гордон А. Диалоги. М.: Предлог, 2005.

7. Интервью с Григорием Ревзиным // Афиша. 2010. 10 мая. [Электронный ресурс]. URL: www.afisha.ru/article/6945/

8. *Карасёва Л. А.* Модернизация в условиях кризиса социально-экономического управления // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2010. №2. С. 9-16.

9. Карасёва Л. А. *Попытка рефлексивного взгляда на м*етодологию экономической науки // Вестник Финансовой академии. 2007. №4. С. 77-86.

10. *Костюкович Н. В., Вычегжанин Е. Ю.* О сущности инновационного развития // Факторы развития экономики России. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 5.

11. *Кувшинова О.* Имитация инноваций // Ведомости. 2009. №191(2461).

12. *Мартьянов В.* Архаизация с головы. Вчерашние элиты в завтрашнем обществе // Частный корреспондент. [Электронный ресурс]. URL: www.chaskor.ru/article/arhaizatsiya_s_golovy_5525. (дата обращения 22.04.2009).

13. Особый русский путь или новое пораженчество? Материалы круглого стола // Вестник аналитики. 2008. №2. С. 189.

14. *Теняков И. М.* Инновации. Реальные и мнимые // Экономические проблемы инновационного развития. М.: ТЕИС, 2009. С. 283-291.

15. *Эфрос А.* В. Книга четвертая. М.: Панас, 1993. С. 94.

УДК 338.26

ключевые слова: миссия экономической теории, деформация институциональных норм, иррациональность и мнимость социально-экономического управления, инерционное и инновационное развитие экономики